Не хитро и не славно осудити и погубити мужа безъответнаго
А не имею милующаго ни ущедряющаго отнюд никого,
Мню же, яко всякому злато и сребро милее бывает всего,
Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,
Отнюдь просто рещи: чюжая беда и напасть никому не болит.
И вержен есмь, аки камень в море, никим изъвлеком,
Аще бог человеколюбец не пощадит праведным своим судом.
Разве вижу || в твоем сердцы есть сияет истинный свет, л. 53 об
Поне бо даешь ми, государь, всегда благоутешный ответ.
И паки умилися сердце твое о нашем убожестве и сиротстве.
Но избран еси сосуд уродилъся во своем благочестивом родстве,
И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возмет твоя мощь,
А уже нам, грешным, в скорби сей и день, аки темная нощь.
И на том тебе, государю, много челом бью, падая на лице земли,
И ты, государь, душею своею и сердцем себе внемли.
И то тебе, государю, въменится в самую истинную правду,
И всегда помышляти таковое дело твоему разсудному измарагду
Ничто же бо таковыя милости вящи у бога не бывает,
Кто в скорби и беде поне малым чим помогает.
Писано есть: «Аще не можешь помощи || делом, и ты поне словом, л. 54
Яко утвердит кто непокрыту храмину твердым кровом».
Аще ли, государь, не возможешь тем ныне помощи,
Не прогневайся, иже о чем тебе, государю, дерзнем изрещи.
Что же реку и что возъглаголю и како еще дерзну к твоему величеству?
Не вем бо числа сказати твоему милосердному количеству.
Велик студ и зазор обдержит к тебе, государю, стужати,
Но презельныя ради скорби и беды не могу в себе молчати.
Понеже нужды ради весь страх и срам в сердцы отлагается
И кто на страсть не дерзает, той желаннаго своего не сподобляется.
Общая наша госпожа и всех томителница свойства своего желает,
И для ради прироженнаго своего естества весь срам отлагает,
Яко некоторый гладный пес или волк на вся человеки шибается,
Подобно же тому и гладная утроба || никого не срамляется л. 54 об
И паки: ничто есть тако зло всякому человеку, якоже глад,
Его же ради некогда взят бысть не един великий и преименитый град
В лепоту реченно: глад уязвляет не менее меча,
От него же и самых крепких и сильных немощны бывают плеча,
И всякому человеку начало животу хлеб и вода, риза и покров.
Ей, ей, не мы глаголем,[л] но сама наша великая нужа и кровь,
Аз же грешный за премногия грехи своя всего того пуст.
Но токмо мало нечто имею изо многогрешных своих[м] уст.
Тем убогую свою душу и тело питаю и утешаюся на всяк день и час.
И еще не презре нас до конца своими щедротами всемилостивый спас.
И что было ваше жалованье, государей моих, то все изошло,
А ныне, государь, и сам веси по грехом по нашим понужное время пришло.
А се, || государь, особная великая скорбь и беда за грех мой постигла л. 55
И без чернаго одеяния и без самоволнаго обещания до конца постригла.
А не имею милующаго ни ущедряющаго искренно в нынешнее время,
Зане, по апостольскому речению, уродилося все немилосердое семя,
И злым немилосердием и скупостию одержими, аки слепотою.
И самохотно гнушаемся душеспасителною нищетою.
Саго ради презираем есмь от всех, аки трава, ростящая в засени,

[л] Испр., в ркп глаголет [м] В ркп далее одно слово замазано чернилами